

Светлана Храмова
Колокольные дворяне
(Роман в сонатной форме)



Дюссельдорф
2016

Эта книга не могла быть написана без помощи и активного участия многих людей. Автор бесконечно благодарен Сидоровой Светлане, директору ТИАМЗ (Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник); Андрею Ламбину, научному сотруднику ТИАМЗ; Ирине Сергеевой, начальнику отдела ТИАМЗ; Константину Васильеву, доктору медицинских наук, профессору Одесского национального медицинского университета, кафедра социальной медицины; иерею Петру Шитикову, помощнику ректора Тобольской семинарии по научной работе; Александру Валитову, ведущему научному сотруднику исторической станции РАН; Александре Султановой, экскурсоводу туристического агентства «Тобольский Арбат»; Лии Гинцель, журналисту, Екатеринбург; Татьяне Матаковой, Санкт-Петербург.

Светлана Храмова

Светлана ХРАМОВА

К КОЛОКОЛЬНЫЕ ДВОРЯНЕ

Роман



Светлана Храмова. Колокольные дворяне
Роман в сонатной форме
Copyright © 2016 Светлана Храмова
Редактор: Евгения Жмурко (DE)
Дизайн и оформление: Ольга Федорчук © (UA)
ZA-ZA Verlag: <http://za-za-verlag.net/>
Düsseldorf, с. 270
ISBN: 978-1-326-86351-7

Современная русская писательница, правнучка духовника семьи Романовых, приезжает на место их сибирской ссылки, чтобы проверить семейное предание об императорских сокровищах, переданных на сохранение ее прадеду.

Документальное повествование Светланы Храмовой сочетает элементы детектива, лирического эссе и исторического расследования.

Посвящено столетию гибели Августейших Мучеников от рук большевиков.

*Это пусть они себе в Москве придумывают,
раз есть лишние мозги-то.
А у нас в Сибири всё ненужное в мозгах вымерзает.
(Как они говорят, подслушанное)*

А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей, гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило. На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса. На главной улице после полудня началось катанье на рысаках, — одним словом, было весело, всё благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем. Через месяц был назначен новый викарный архиерей, а о преосвященном Петре уже никто не вспоминал. А потом и совсем забыли. И только старуха, мать покойного, которая живет теперь у зятя-дьякона, в глухом уездном городишке, когда выходила под вечер, чтобы встретить свою корову, и сходилась на выгоне с другими женищинами, то начинала рассказывать о детях, о внуках, о том, что у нее был сын архиерей, и при этом говорила робко, боясь, что ей не поверят...

И ей в самом деле не все верили.

(А.П. Чехов «Архиерей»)

Часть I

М
Многая лета
Allegro

Я читаю сотни книг, я тону в океане версий и интерпретаций — так, впрочем, начинается почти любое творение из написанного и сочиненного на эту тему, благодатная почва для исследователя — и понимаю одно: тут столько запутанного, непонятного, широк простор для трактовок, для разгула фантазии. И мне кажется порой, что скромный тобольский священник отец Алексей Васильев, настоятель Благовещенской церкви, с его рождественским, неуместным и памятным молебном «Многая Лета Царской Семье» — 25 декабря 1917 по старому стилю — эпизод маленький и не такой уж значительный, казалось бы, но единственный во всей этой смутной части российской истории, не имеющий опровержений. Мой прадед, отец Алексей существовал на самом деле, вера его была тверда и несокрушима.

И моя бабушка Елизавета Алексеевна, в 1917 ей было одиннадцать с половиною лет, уже почти двенадцать, действительно играла с Цесаревичем Алексеем у пруда, устроенного во дворе Дома Свободы. Тогда еще не было для семьи «бывшего царя», тюремного режима последних предрасстрельных месяцев. В пруду плавали утки, Царской Семье дозволили разводить домашнюю птицу, эта часть города до сих пор называется «подгора».

Под горой, поблизости от губернаторского дома, жила с отцом, матерью и четырьмя братьями младшая дочка священника. В деревянном доме у самой церкви, дом Васильевых был с церковью соединен, в нем кормились дворник и уборщица, они помогали жене священника Лидии Ивановне Сеньтяшевой по хозяйству. С тех пор, как в городе появились Царь и Царица, а с ними коротко остриженные после кори Цесаревич и Царевны — пятеро детей у императора, как и в семье Васильева — маленькая Лиза потеряла покой. Ее нечасто

пускали за ворота Дома Свободы, проще говоря, ей приходилось проникать туда через щель в ограде, скрытую деревьями, один из прутьев был изогнут — для крепкого взрослого человека не пролезть, а Лиза проскальзывала легко — когда видела, что мальчик с темными веселыми глазами показался во дворе.

Они вдвоем сидели на широких досках, окаймляющих пруд по периметру, и пусть недолго, но говорили. Потом она рассказывала мне, что играла с царевичем в песочнице, я все думала — какая песочница, ей почти двенадцать, ему почти четырнадцать.

Когда наследный принц, будущий император Николай II, впервые увидел гессенскую принцессу Александру, ей было двенадцать лет. Николай увидел ее, и запомнил на всю жизнь.

Увидел и полюбил.

Почти четырнадцатилетний Алексей играл с почти двенадцатилетней Лизой.

Мы не знаем, запомнил он ее или нет. В своем дневнике, если он сохранился, или — если то, что сохранилось и широко цитируется, имеет хоть какое-то касательство к текстам настоящих тетрадей — он об этом не писал, но Алексей не относился к дневнику серьезно. Шалил, утром описывая только что начавшийся день, и утром же заканчивая краткий отчет словами: «лег спать». Принято вести дневник, обожаемая мамá велит. Он и пишет, но небрежно и выполняя повинность, не придавая записям особенного значения. Часто ограничивается короткой фразой: «Все как всегда».

А Лиза его запомнила крепко. И до конца жизни рассказывала о том, как играла с царевичем в песочнице (Владимир подтвердил позже: вокруг пруда был щедро насыпан песок, набрали на берегу Иртыша и в мешках привезли, ссыпали, не жалея). И про бритоголовых царевен говорила, она их называла просто: «стриженные девочки, царские дочки».

Часто Елизавета Алексеевна возвращалась к этому рассказу, но всего два-три предложения произнесет — и скорбно подожмет губы, отвернется, погружаясь в воспоминания, или вовсе уйдет на кухню, едва сдерживая слезы. Слова обрывались внезапно. Длинно о Царевиче из ее детства не говорила, но и вовсе молчать об этом не могла.

В самом начале жизни встретила она принца. О сказочном принце каждая девчонка мечтает, вы скажете? Правильно. Но Лиза встретила настоящего принца, не сказочного.

Он уехал, и больше никогда не вернулся.

Не потому, что забыл о ней. И не потому, что женился на равной себе, как принято у настоящих принцев.

А потому что его убили.

Но о любви к нему бабушка моя не рассказывала. Только о том, что играла в детстве с детьми русского Царя, когда всю Семью отправили в ссылку. Отец ее был священником, духовником Семьи в Тобольске. Так она говорила. И еще о драгоценностях, доверенных ее отцу и сохраненных им — скупое рассказывала моя бабушка Лиза, но к теме этой возвращалась постоянно. Убеждала, что драгоценности носить не нужно, это пережиток прошлого. И себе противоречила, добавляя, что в детстве она забавлялась кольцами и браслетами, это были игрушки. После упоминания об игрушках из ее детства она надолго умолкала, лицо становилось суровым, каменело на глазах. Будто с изящными безделицами связаны какие-то страшные события, и воспоминания о них доставляли ей боль. Впрочем, я тогда была маленькой девочкой, слушала как очередной бабушкин рассказ о прошлом, и особенно меня ничего не удивляло, потому что в детстве удивительно все.